

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Мы, многонациональный народ Российской Федерации...

Виктор Черепанов*

Понятие «народ», будучи междисциплинарным, применяется в различных науках, каждая из которых вычленяет в нём своё специфическое содержание и объём. В социологии этим термином обозначается социально-территориальная общность, объединённая единой территорией государства, устойчивыми экономическими, политическими, социальными, духовно-нравственными и экономическими связями и отношениями. В этнографии народ рассматривается как этническая общность, объединённая общим языком, происхождением, своей культурой, укладом жизни, традициями и обычаями, этническим самосознанием, самоназванием и самоидентификацией. Такое понятие имеет явное и определённое соотношение с *эмпирической* действительностью, с реальными людьми, которые, взаимодействуя между собой, вступают в конкретные общественные отношения. В конституционно-правовом концептуальном пространстве, «обитателями» которого являются абстрактные правовые конструкции, юридические фантомы и фикции, народ выступает как носитель суверенитета и источник власти. Однако при научном осмыслении этой *идеально типической* конституционной модели зачастую используется *эмпирическое* понятие народа как социально-политической общности, что не позволяет адекватно раскрыть закономерности, лежащие в основе российской государственности, и приводит к возникновению противоречия, образующего методологическую проблему, изучению которой посвящена настоящая статья. Для её решения предложен концептуальный подход, рассматривающий народ как единство двух противоположностей: абстрактного народа – юридической личности, правового существа, выступающего источником власти, и конкретного народа – социально-политической общности, совокупности российских граждан. Данная бинарная оппозиция при её философско-правовом осмыслении исследуется в категориях *должного* и *сущего*: абстрактный народ, существующий лишь в конституционно-правовом концептуальном пространстве, являясь носителем суверенитета и единственным источником власти, представляет собой конституционный идеал (*должное* устройство Российского государства), который проявляется в фактической действительности в виде совокупности конкретных граждан, образующих конкретный народ (*сущее*), а противоречие между ними (противоречие между должным и сущим) – как исходное и базовое противоречие российской государственности, получающее своё специфическое выражение в различных публично-властных отношениях.

DOI: 10.21128/1812-7126-2018-5-126-137

→ Конституционно-правовое концептуальное пространство; абстрактный народ; конкретный народ; источник власти; должное; сущее

1. Введение

Мы, многонациональный народ Российской Федерации, как носитель суверенитета и единственный источник власти, 12 декабря 1993 года приняли Конституцию нашей страны. И все эти годы (как, впрочем, и во все предшествующие) вопрос о народовласти

был окутан идеологическими мифами, основной из которых заключается в том, что власть принадлежит народу. Однако при всей значимости конституционного принципа народовластия его научное осмысление оставляет желать большего.

Поскольку научные изыскания нередко базировались на различных исходных постулатах и рассматривали народ с различных точек зрения, представляя собой своеобразные проекции, которые как бы снимались с объекта исследования при различных его поворотах, постольку при их механическом объеди-

* Черепанов Виктор Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, Ставропольский государственный аграрный университет, заслуженный юрист России, Ставрополь, Россия (e-mail: sigma45@yandex.ru).

нении неизбежно возникали концептуальные противоречия, приводящие к диаметрально противоположным выводам.

В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка сформулировать некоторые теоретические предпосылки, необходимые для формирования целостной научной картины народовластия, которая может быть создана лишь общими усилиями всего конституционно-правового сообщества.

2. Постановка проблемы

При исследовании народовластия первым объектом, с которым сталкивается исследователь, является российский народ — носитель суверенитета и единственный источник власти. Для того чтобы выяснить, какими свойствами обладает народ сам по себе, на первый взгляд, следует обратиться к опыту и начать изучать конкретных людей, образующих в своей совокупности российский народ.

Такое понимание народа как социальной общности людей, объединённых определёнными связями и отношениями (территориальными, экономическими, политическими, историческими, биологическими, языковыми, духовно-нравственными и др.), было выработано и получило широкое распространение в различных социальных науках (социологии, этнографии, психологии), каждая из которых при его изучении вычленяет в нём свои части, свои связи и отношения, объединяющие людей в рамках единой общности, которая обозначается в каждой из них одним и тем же термином «народ».

С *социологической* точки зрения народ — это *социально-территориальная* общность, объединённая единой территорией, устойчивыми экономическими, политическими, социальными, духовно-нравственными и экономическими связями и отношениями¹. В *этнографии* народ — это *этническая* общность как совокупность людей, объединённая общим языком, происхождением, оригинальной культурой, особенным укладом жизни, традициями и обычаями, этническим самознанием, самоназванием и самоидентифика-

цией². В отличие от социологического в содержание этнографического понятия в качестве необходимого не входит территориальный признак, поскольку этническая общность, например армянская, греческая, русская, может быть разбросана по всему миру.

В *конституционно-правовой науке*, которая изучает народ под своим *специфическим* углом зрения, народ рассматривается как носитель суверенитета и источник власти. Однако для раскрытия его *конституционно-правовой* природы широко используется понятие, выработанное *другими* социальными науками для решения иных исследовательских задач, и российский народ нередко рассматривается как социально-политическая общность, как совокупность граждан Российской Федерации (*далее* — граждане, российские граждане). Наиболее полно такое понимание раскрыто О. Е. Кутафиним: «С юридической точки зрения понятие “народ” отождествляется с понятием “граждане” и определяется как принадлежность данной, ассоциированной в рамках единого государства совокупности людей к соответствующему государству. Народ образует физический субстрат государства»³.

Рассмотрение народа как совокупности граждан привело ряд авторов к отрицанию его правосубъектности и, соответственно, к отрицанию самой возможности выступать субъектом конституционно-правовых отношений. Так, по мнению В. Т. Кабышева и О. О. Миронова, «единственным аргументом, приводимым в защиту концепции правосубъектности народа, является ссылка на отношение, возникающее в процессе проведения референдума. Этот довод не представляется убедительным, поскольку понятием “избира-

² См., например: *Абдулатипов Р. Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. С. 73; *Хабриева Т. Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. С. 17, 18.

³ *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С. 320. См. об этом также: *Кабышев В. Т., Миронов О. О.* Категория «народ» в советском конституционном законодательстве // Правоведение. 1969. № 3; *Эбзеев Б. С.* Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 178.

¹ См.: Социология. Основы общей теории: учеб. для вузов / под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М.: Норма; ИНФРА-М, 2002. С. 298–305; Рабочая книга социолога. М.: Либроком, 2015. С. 74–75.

тельный корпус» не исчерпывается понятие «народ», и в референдуме участвуют лишь граждане, наделённые избирательной правосубъектностью. При этом субъектами рассматриваемого государственно-правового отношения выступают не все граждане, а каждый гражданин»⁴.

На наш взгляд, понятие «народ» *при его рассмотрении в качестве источника власти* имеет иное мыслимое содержание, чем социально-политическая общность российских граждан. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Исходя из приведённых выше конституционных положений, российский народ выступает участником различных правовых отношений, в рамках которых осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. Рассматривая важнейшие из них, учредительные по своей сути властеотношения, возникающие в рамках референдума и свободных выборов как высшего выражения власти народа, *при понимании народа как совокупности граждан* мы приходим к выводам, противоречащим конституционной модели российской государственности.

Дело в том, что участниками этих правоотношений, о чём уже говорилось выше, являются не все граждане, а только те из них, которые обладают активным избирательным правом и образуют избирательный корпус нашей страны. Рассмотрим эту ситуацию на примере всенародного голосования по принятию Конституции 12 декабря 1993 года. Общая численность населения России на 1 января 1994 года составляла 148 355 867 человек⁵, а численность избирателей — 106 170 835 человек (71,5 % российского народа). В голосовании участвовало 54,8 % избирателей, из которых 58,4 % поддержали Конституцию⁶, что составило 32 % избирателей, или 22,8 % российского народа (71,5 % × 32 % = 22,8 %).

При понимании народа как совокупности граждан мы будем вынуждены признать, что

учредительной властью в нашей стране обладает не весь народ, а только избирательный корпус, причём лишь та его часть, которая проголосовала за принятие Конституции, то есть лишь 22,8 % всего российского народа. В результате возникает противоречие, которое, как любое объективное противоречие, схватывается сначала как антиномия (столкновение тезиса «А есть В» и антитезиса «А не есть В», каждый из которых имеет равную логическую силу и в одинаковой степени объективно истинен)⁷.

В нашем случае мы имеем следующую антиномию:

- народ есть источник власти (*тезис*);
- 22,8 % народа есть источник власти (*антитезис*).

В связи с этим следует констатировать, что в конституционно-правовом концептуальном пространстве возникло объективное противоречие, когда понимание народа как социально-политической общности граждан «не вписывается» в конституционную модель, не позволяет адекватно раскрыть правовую природу народа как источника власти и описать закономерности, лежащие в основе российской государственности. Данное противоречие, копившееся годами и пребывающее на современном этапе развития конституционного права как бы в «свёрнутом виде», образует важную *методологическую проблему*, которая нуждается в анализе и поиске решения⁸.

3. Анализ проблемы и поиск решения

Начнём с того, что обратимся к некоторым философско-методологическим положениям, согласно которым в структуре научного познания выделяются два взаимосвязанных вида познавательной деятельности и, соответственно, два уровня научного знания:

⁷ См.: Батищев Г.С. Проблема диалектического противоречия // История марксистской диалектики / отв. ред. М.М. Розенталь. М.: Мысль, 1971. С. 190–191.

⁸ Под проблемой в теории социального познания понимается некое противоречие, требующее своего разрешения; проблема рассматривается как особая его форма. См. об этом: Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969. С. 36; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет; Университет, 1998. С. 71–74; Рабочая книга социолога. С. 112, 113.

⁴ Кабышев В.Т., Миронов О.О. Указ. соч. С. 40.

⁵ По данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557.doc> (дата обращения: 03.08.2018).

⁶ См.: Постановление ЦИК России «О результатах всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» от 20 декабря 1993 года.

1) деятельность, направленная на разработку и совершенствование концептуального аппарата — теоретическое исследование, в результате которого возникает *теоретическое знание*;

2) деятельность, направленная на применение концептуального аппарата для ассимиляции эмпирического материала — эмпирическое исследование, в результате которого возникает *эмпирическое знание*⁹.

Эмпирическое исследование ориентировано непосредственно на реальный объект, как он дан в наблюдении и эксперименте, и оперирует *эмпирическими понятиями*, имеющими непосредственное соотнесение с действительностью. Теоретическое исследование оперирует с *идеальными объектами*, которые не являются реальными объектами, а представляют собой результат различных мыслительных действий — схематизации, идеализации, моделирования, зафиксированных в знаково-символических средствах языка науки (формулы, схемы и др.). Их примерами могут служить материальная точка, идеальный газ, идеальный маятник. *Такие идеальные объекты в природе не существуют*, они «выступают как результат мысленного конструирования, когда мы абстрагируемся от несущественных (в том или ином отношении) связей и признаков предмета и строим идеальный объект, который выступает носителем только существенных связей. В реальности сущность нельзя отделить от явления, одно проявляется через другое. Задача же теоретического исследования — познание сущности в чистом виде. Введение в теорию абстрактных, идеализированных объектов как раз и позволяет решать эту задачу»¹⁰. В методологии научного познания такие теоретические конструкты рассматриваются как не имеющие непосредственного эмпирического коррелята, как не имеющие денотатов, то есть обозначаемых предметов в реальном мире, который дан нам в наблюдении и эксперименте.

Необходимо отметить, что выделение и конструирование подобных идеальных объ-

ектов встречается в различных отраслях знания. Так, в социологии Макса Вебера важнейшей категорией являлись *идеальные типы*, под которыми понимались теоретические конструкции, имеющие характер некой утопии, возникшей при мыслительном усилении, выделении определённых элементов действительности. Такие идеальные типы создаются специально для изучения социальной действительности, выступая средством её познания и понимания. По мнению Вебера, «социолог должен создавать чистые (идеальные) типы соответствующих образований, каждый из которых должен обладать логической цельностью при максимальной смысловой адекватности. В реальности такой идеальный чистый тип настолько же маловероятен, как и физическая реакция, рассчитанная при условии абсолютно пустого пространства»¹¹. Одним из наиболее распространённых заблуждений он считал «реалистическое» истолкование идеальных типов, то есть отождествление этих умственных конструкций с самой реальностью, их «субстанциализацию»¹².

Таким образом, в структуре любой сформировавшейся науки существуют два взаимозависимых уровня знания:

— теоретическое знание, «обитателями» которого являются максимально абстрактные понятия — не существующие в природе идеальные объекты, для которых сложно (или практически невозможно) найти эмпирические аналоги в фактической реальности, то что, по образному выражению В. С. Швырёва, можно назвать «ненаблюдаемой сущностью»¹³;

— эмпирическое знание, оперирующее эмпирическими понятиями, имеющими непосредственное соотнесение с действительностью.

Рассмотренное выше понимание народа как социально-политической общности, имея явное и определённое соотнесение с фактической действительностью, с реальными людьми, которые реально взаимодействуют и вступают в реальные отношения, является

⁹ См.: Стёпин В. С. *Философия науки: Общие проблемы*. М.: Гардарики, 2006. С. 156–200; Швырёв В. С. *Теоретическое и эмпирическое в научном познании*. М.: Наука, 1978. С. 237–371.

¹⁰ Стёпин В. С. *Указ. соч.* С. 159–160.

¹¹ Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: в 4 т. Т. I: Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 81.

¹² См.: *История социологии: учеб. пособие / под общ. ред. А. Н. Елсукова и др.* Минск: Выш. школа, 1997. С. 147.

¹³ См.: Швырёв В. С. *Указ. соч.* С. 180–185.

эмпирическим понятием, которое при его использовании для раскрытия конституционной модели народовластия как раз и приводит к возникновению обозначенного выше концептуального противоречия. При его анализе, помимо выделения эмпирического и теоретического в структуре научного знания, необходимо чётко различать фактическую и правовую реальность (фактическую и правовую действительности), как это сделано в рамках онтологического направления в изучении права, активно разрабатываемого Г.А. Гаджиевым, который сформулировал ряд новых подходов к изучению правовых явлений, представляющих несомненный интерес с точки зрения исследуемого вопроса¹⁴.

Под правовой действительностью (реальностью) в отличие от фактической действительности (реальности) понимается идеальная по своей сути онтологическая реальность — правовое концептуальное пространство, включающее в себя как право, так и изучающую его юриспруденцию. В правовой действительности происходит преобразование вещного мира. В результате юридического восприятия фактической реальности осуществляется её отражение в обеднённом и кривом зеркале, поскольку право — это искажённое отражение действительности, так как оно неизбежно использует разного рода фикции, символы. В правовом концептуальном пространстве обитают образы и символы реальных вещей и субъектов. В связи с этим в работах Г.А. Гаджиева обоснованно подвергается критике узкореалистический подход к праву, при котором правовые реальности сводятся к явлениям фактической действительности.

Таким образом, правовое концептуальное пространство, представляя собой упрощённую (редуцированную) картину фактической реальности, само, в свою очередь, является реальностью — это «юридизированная действительность», «идеальная онтологическая материя». Исходя из этих положений в рабо-

тах Г.А. Гаджиева формулируется понятие «конституционно-правовое концептуальное пространство», в основе которого лежат максимально абстрактные юридические категории, такие как «государство», «воля государства», «воля народа», для которых сложно (или практически невозможно) найти эмпирические аналоги в фактической реальности.

Возвращаясь с учётом сказанного к понятию «народ», необходимо отметить следующее. В конституционно-правовом концептуальном пространстве, населённом не реальными людьми, а правовыми абстракциями, юридическими фантомами и фикциями, эмпирическое понятие «народ», как было показано выше, не работает, в связи с чем возникает необходимость в теоретическом понятии «народ» как правовой абстракции, не имеющей непосредственного эмпирического коррелята.

На наш взгляд, такое теоретическое понятие, может быть не всегда сформулированное в явном виде, уже имеется в конституционно-правовой науке и применяется наряду и одновременно с эмпирическим понятием, когда народ рассматривается как «юридическая личность»¹⁵, единое историческое целое, объединяющее исторический опыт прошлых поколений¹⁶, «существует как наследник предыдущих поколений, представлен нынешними поколениями и воплощается в будущих поколениях»¹⁷. «Народ как целое, — отмечал Л.С. Мамут, — не есть лишь поколение текущего дня или ближайших десятилетий. Он представляет собой сплочённую неразрывную цепь множества поколений, некогда живших, ныне живущих и ещё не родившихся»¹⁸.

Таким образом, одним и тем же термином «народ» в конституционно-правовой науке обозначаются два разных понятия:

— во-первых, эмпирическое понятие «народ» — конкретный народ — как совокупность граждан;

— во-вторых, теоретическое понятие «народ» — абстрактный народ — как юридическая личность, как правовое существо, представляющее собой единое историческое це-

¹⁴ См.: Гаджиев Г.А. О пространственно-временном мышлении в конституционном праве (вопросы юридической онтологии и аксиологии) // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 82–93; Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 6–38, 278–316.

¹⁵ См.: Кутафин О.Е. Указ. соч. С. 325.

¹⁶ См.: Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 176–177.

¹⁷ Гаджиев Г.А. Онтология права. С. 258.

¹⁸ Мамут Л.С. Проблема ответственности народа // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 19–28, 23.

лое и связанное общей судьбой с прошлыми и будущими поколениями.

Абстрактный народ — это правовая абстракция, юридическая фикция, идеальная конструкция, которая не существует в фактической реальности. При её *гносеологическом* осмыслении весьма уместными и полезными оказываются положения трансцендентальной философии Иммануила Канта об идеях чистого разума, для которых в чувствах не может быть дан никакой адекватный объект¹⁹. Такие максимально абстрактные, чистые понятия определялись им как *трансцендентные*, то есть выходящие за пределы всякого опыта, в котором, следовательно, никогда не бывает предмета, соответствующего этим понятиям. Кант писал по этому поводу: «Мы признаём, что вряд ли можно найти *чистую землю, чистую воду, чистый воздух* и т. п. Тем не менее их понятия необходимы, чтобы надлежащим образом определить участие каждой из этих естественных причин в явлении»²⁰. Чистые понятия не обладают *конститутивным* значением, то есть не определяют никакого реального предмета в фактической действительности, «тем не менее нам ни в коем случае нельзя считать их излишними и пустячными. В самом деле, хотя с помощью их и нельзя определить ни один объект, тем не менее они в сущности и незаметно служат рассудку канонного его широкого и общего применения»²¹. Такие понятия имеют важное *регулятивное* значение для человеческого разума, поскольку они *регулируют* всё наше познание, позволяя осуществить систематическое единство познания фактической реальности на основе абстрактных конструкций, выступающих своеобразными концептуальными линзами, через которые мы воспринимаем реальный мир.

Возьмём, к примеру, понятие многомерного пространства, предмет которого не существует в *фактической* действительности и представляет собой *ненаблюдаемую сущность*. С одной стороны, такой предмет яв-

ляется *трансцендентным* и *идеальным*, а с другой — имеет *объективную* значимость, поскольку, во-первых, существует вполне реально, хотя бы в математическом концептуальном пространстве, а во-вторых, позволяет систематизировать наше знание и осуществить целостное восприятие фактической действительности.

Теоретический разум при использовании таких абстракций обладает способностью *гипостазировать* их, то есть приписывать реальное существование их предметам, которые на самом деле не встречаются в фактической действительности. Перефразируя Канта, это происходит оттого, что мы диалектически превращаем систематическое единство *нашего познания*, основанное на концептуальной абстракции, в единство *эмпирического целого* и начинаем мыслить эту абстракцию как реально существующую вещь. В результате такой *подмены* возникает неизбежная иллюзия, видимость предметного существования ненаблюдаемой сущности²². Проблема гипостазирования, как отмечается уже в *современной* философской литературе, приобретает специфическое значение в социальных науках, для которых характерна особая онтология по сравнению с объектами естественных наук. Поскольку, имея дело с различными социальными целостностями (общество, экономика, капитализм, рынок или нация), мы не можем наблюдать и чувственно воспринимать их признаки и свойства, за которыми не стоят реальные вещи в физическом смысле, постольку постоянно возникает проблема существования объекта и возможность рассматривать его как предмет, как вещь²³. Применительно к абстрактному народу как коллективному целому мы как раз и наблюдаем такую способность теоретического разума гипостазировать данное абстрактное понятие, рассматривая народ как совокупность российских граждан.

Данное эмпирическое понятие, заимствованное из концептуального пространства других социальных наук, в определённой мере помогает в использовании абстрактного конституционно-правового понятия «народ» как

¹⁹ См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 347–592.

²⁰ Там же. С. 554.

²¹ Там же. С. 360.

²² См.: Там же. С. 511.

²³ См.: Микешина Л. А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 44–54.

юридической личности и правового существа подобно тому, как в математике создают трёхмерные представления о четырёхмерных объектах для их лучшего понимания в существующем мире, состоящем из трёх измерений. Обе эти категории (абстрактный и конкретный народ), обозначаемые одним термином, одновременно используются в конституционном праве и находясь в противоречивом единстве, так как в самом понятии «народ» заключено, сконденсировано противоречие между абстрактным и конкретным народом. С одной стороны, эмпирическое понятие не позволяет адекватно раскрыть правовую природу народа как источника власти, а с другой — абстрактное понятие неприменимо при рассмотрении конкретных правоотношений, возникающих при проведении референдума и выборов, в рамках которых реализуется учредительная власть абстрактного народа, но в которые вступают реальные граждане, составляющие в своей совокупности конкретный народ.

Поскольку в конституционном праве, как в любой науке, можно выделить теоретический и эмпирический уровни знания, постольку в её теоретическом слое используется теоретическое понятие (абстрактный народ как юридическая личность и правовое существо, выступающее источником власти), а в эмпирическом — эмпирическое понятие (конкретный народ как социально-политическая общность российских граждан). Необходимо подчеркнуть, что их взаимосвязь имеет ещё одну важную специфическую особенность, характерную именно для конституционно-правового концептуального пространства.

Дело в том, что *правовые* концепты, помимо *когнитивного* компонента, присущего любому понятию как форме мышления, посредством которой осуществляется обобщённое отражение действительности, содержат и *нормативный* компонент, так как закрепляют *нормативный идеал*, сконструированный законодателем.

Конституционно-правовая сущность народа заключается в том, что он определён Конституцией в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации. В связи с этим абстрактный народ — не просто юридическая фикция (юридическая личность, правовое существо), а юридическая фикция, взятая в *определён-*

ной ипостаси, а именно в качестве источника всей публичной власти. С учётом сказанного бинарную оппозицию (абстрактный народ — конкретный народ) можно и нужно рассматривать в правовых категориях *должного* и *сущего*, поскольку абстрактный народ, являясь носителем суверенитета и единственным источником власти, выступает как конституционный идеал должного устройства Российского государства.

В таком правовом Идиллиуме²⁴, в идеальном мире должного многонациональный российский народ (абстрактный народ) действует в соответствии с публичными интересами всего коллективного целого, «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» и «стремясь обеспечить благополучие и процветание России», как закреплено в преамбуле нашей Конституции. А в фактической действительности реальные граждане, образующие в своей совокупности конкретный народ, исходя из частных, а не публичных интересов, вступают в конкретные избирательные правоотношения и нередко приводят к власти непригодных к тому людей, которые не выражают волю народа, а преследуют свои личные, порой весьма корыстные интересы.

В связи с этим народ предстает в виде единства двух противоположностей: абстрактного народа (*должного*) и конкретного народа (*сущего*), а противоречие между ними (противоречие между должным и сущим) — как исходное и базовое противоречие российской государственности, которое получает своё специфическое выражение в различных властных отношениях: как при осуществлении народом учредительной власти путём референдума и выборного формирования органов публичной власти, так и при реализации

²⁴ Этот ёмкий и образный термин «Идиллиум» введён писателем Виктором Пелевиным в романе «Смотритель», где одновременно сосуществуют фактическая действительность (Ветхая Земля) и создаваемый медиумами идеальный мир (Идиллиум) как некое утопически идеальное общество, в котором, однако, реально живут герои романа, взаимодействуя с фактической действительностью как источником своего существования. Термин «правовой Идиллиум», образно характеризующий конституционно-правовое концептуальное пространство как мир должного и нормативно идеального, используется нами для наглядной иллюстрации абстрактных юридических конструкций.

народом своей власти через органы публичной власти путём влияния на их деятельность.

При таком концептуальном подходе нуждается в своём переосмыслении и само понимание государства в его взаимосвязи с народом как единственным источником любой публичной власти в нашей стране. Необходимо отметить, что для современной научной мысли довольно типичным является противопоставление народа и государства, которые рассматриваются как две различные и противоположные сущности. Наиболее ярко это проявляется при обсуждении проблемы политического отчуждения государства от общества, под которым «понимаются процесс и результат превращения государства, возникшего в результате человеческой деятельности, в нечто независимое от общества и господствующее над ним»²⁵. В связи с этим необходимо отметить, что в истории развития взглядов на природу государства можно выделить две основные концептуальные матрицы, два основных полюса представлений о государстве, которые вкратце сводятся к следующему²⁶.

В рамках первого направления государство с античных времён рассматривалось как коллективность, как политическое сообщество (Аристотель, Цицерон, Локк, Кант и др.). Представители второго направления (Боден, Гоббс, Маркс, Энгельс, Ленин и др.) ассоциировали государство с правителем и его приближёнными, с институтами (органами) публичной власти с корпусом чиновников, должностных лиц и т.д. «То, что мыслители, пристально вглядываясь в черты государства, стали высвечивать и держать под наблюдением различные элементы его конструкции (институты, роли, процедуры, нормы, отношения и т.д.), — писал по этому поводу Л. С. Мамут, — бесспорно, обогащало восприятие государственности, поли-

тического сообщества как чрезвычайно сложно устроенного организма. Но эти приёмы и сопровождавшая их заикленность на отдельных элементах государства привели к тому, что сформировался его однобокий (и потому ущербный) образ: *отделившаяся (оторвавшаяся) от политической коллективности машина (совокупность учреждений)*, которая откуда-то извне социума повелевает, как марионетками, всеми членами политического сообщества, будто бы и не составляющими самой материи (субстрат) государства»²⁷.

С учётом сказанного, вслед за Л. С. Мамутом, мы считаем, что государство — это не надстройка над обществом, а публично организованное общество, публично-властным образом организованный народ (государственно организованный народ, «коллективный гражданин»). При таком понимании государство предстает в виде целостного организма — публично-властным образом организованного народа, а народ в его целостности — как «вместилище, обладатель, носитель и исполнитель публичной власти»²⁸. Таким образом, народ — это не отделённая от государства сущность, а неразложимая далее структурная единица государственности. Тогда возникновение и развитие российской государственности кратко и, разумеется, весьма схематически можно представить следующим образом.

Принимая на референдуме Конституцию, российский народ (как юридическая личность, как юридическое существо) учреждает этим актом суверенитета всю систему публичной власти в стране. Осуществляя высшее непосредственное выражение принадлежащей ему власти путём выборов, народ создаёт, учреждает органы народного представительства, которые в своём взаимодействии формируют иные властные органы.

В итоге внутри единого целого вычленяются властные органы, которые осуществляют управление делами всего целостного образования и официально представляют государственно организованный народ целиком. В связи с этим органы публичной власти

²⁵ Общая теория государства и права : в 3 т. Т. 3 / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 20.

²⁶ См.: Мамут Л. С. Государство: полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 45–54; Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3; Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7.

²⁷ Мамут Л. С. Государство: полюсы представлений. С. 50.

²⁸ Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ. С. 95.

можно представить как структурные образования, создаваемые народом из самого себя как исходной субстанции в составе единого целостного организма, именуемого государством. Вполне уместной может выглядеть здесь аналогия с человеческим эмбрионом как неразделенной целостностью, из которой формируются все органы человеческого организма. Создаваемые таким образом органы публичной власти должны осуществлять управление делами государства от имени народа и в его интересах, выражая в принимаемых решениях волю народа. Сохраняя учредительную власть, российский народ вправе на периодических свободных выборах сменять органы народного представительства, а путём референдума напрямую, без опосредующего звена, принимать другие решения по управлению делами государства.

Необходимо отметить, что, формируя органы публичной власти, народ тем самым делегирует им своё право на определённый объём принадлежащих ему властных полномочий. В связи с этим многие властные полномочия переходят от народа как единственного их источника к соответствующим органам и должностным лицам. В результате прямое народовластие в значительной степени заменяется деятельностью представительных и иных органов публичной власти, происходит *неизбежное в любом государстве* отделение публичной власти от народа как её единственного источника, которое возникает в процессе имманентного любой социальной системе общественного разделения труда по управлению публичными делами.

Если такое представление справедливо (а против него не видно принципиальных возражений), то очевидно, что системе народовластия внутренне присуще противоречие между народом и отделяемой от него публичной властью как проявление общего противоречия между абстрактным и конкретным народом. Рассматривая это противоречие, необходимо чётко понимать, в какой реальности (правовой или фактической) осуществляются научные рассуждения, дабы не допустить смешения должного и сущего. Так, нередко государственный аппарат отождествляется со всем государством, а коллективность, оставшаяся после его вычленения из социума, именуется народом. В итоге, как отмечалось, возникает однобокий и ущербный образ го-

сударства как оторвавшейся от политической коллективности машины, противопоставляемой народу. Тем самым единое коллективное целое раскалывается на «подвластных» (народ) и «властвующих», которые в связи с этим к народу не относятся. Получается, как образно отмечал Л. С. Мамут, «что в нашем государстве чиновники, сотрудники милиции, военнослужащие, люди, работающие в банках, в системе связи, в жилищно-коммунальных конторах и т. д. и т. п., то есть миллионы российских граждан — не россияне (“не-народ”). А кто же они? Живущие в Индии тамилы или случайно залетевшие на Землю марсиане?»²⁹

Абсурдность такого вывода в значительной степени обусловлена смешением абстрактного и конкретного народа, которые относятся к двум различным пластам материи (должному и сущему). Абстрактный народ, являясь «обитателем» правовой действительности (мира должного) как единственный источник власти, вступая в общие учредительные правоотношения, формирует свои органы своей власти, которые действуют соответственно интересам всего коллективного целого. В этом правовом Идиллииуме государственно организованный народ находится в противоречивом, но всё-таки единстве с создаваемыми им органами власти — стадия гегелевского тождества, слитности противоположностей, когда объективно заложенные в системе противоречия находятся в единстве и соответствии.

А спускаясь из такого ирреального мира на «грешную землю», мы оказываемся в фактической реальности (в мире сущего), где обитают конкретные граждане, образующие конкретный народ. Расчленённые в связи с общественным разделением труда на «властвующих» и «подвластных», они, вступая в конкретные публично-властные отношения, действуют на основе частных, а не публичных интересов, что приводит к противоречиям и конфликтам между этими различными социальными слоями российского общества. Именно в таком реальном мире (при воплощении в нём идеальной конструкции взаимоотношений органов публичной власти и народа) происходит развёртывание противоречия

²⁹ Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ. С. 96.

между народом и отделяемой от него публичной властью.

Очевидно, что в одной статье не представляется возможным детально рассмотреть как эту, так и многие другие проблемы народовластия. Формат научной статьи не позволяет также проанализировать весь спектр теоретических взглядов по данной тематике. Другие, не рассмотренные нами точки зрения нуждаются в отдельных исследованиях и специальных публикациях. Здесь поставлена более скромная задача: сформулировать некоторые методологические предпосылки, которые могут быть положены в основу дальнейшего научного поиска. В рамках нашей работы предложен концептуальный подход, рассматривающий народ как структурную единицу российской государственности, как исходную гносеологическую клеточку её научного познания. Такое понимание народа как единства двух противоположностей: абстрактного народа как должного и конкретного народа как сущего — представляется перспективным как для переосмысления существующих знаний, так и для проведения конкретных государственно-правовых исследований.

4. Вместо заключения

При рассмотрении абстрактного народа как конституционного идеала в полной мере применим знаменитый кантовский принцип «*как если бы*», основанный на предположении о реальном существовании идеального объекта, применение которого для познания фактической действительности позволяет рассматривать её в систематическом единстве под углом зрения этой презумпции³⁰. При понимании народа как *совокупности российских граждан* мы никогда не сможем понять, почему они *вообще* участвуют в управлении делами государства, в том числе избирают органы публичной власти и принимают важнейшие государственные решения на референдуме. Таким путём невозможно вычленил то общее, что лежит в основе электорального хаоса, который разворачивается на наших глазах, и прийти к систематическому единству всех государственно-правовых явлений.

Поэтому вместо эмпирического понятия народа как совокупности граждан, которое не

может повести нас далеко, теоретическое познание создаёт понятие абстрактного народа как правового существа, являющегося источником всей публичной власти и выступающего в связи с этим *первосущностью* всей государственности, первопричиной возникновения всей публичной власти, исходным местилищем (субстратом) всей власти. Такая нематериальная сущность, созданная разумом, есть, правда, лишь абстрактная конструкция и правовая фикция и полагается в основу рассмотрения российской государственности для того, чтобы рассматривать все властные общественные отношения, возникающие в фактической действительности, в их систематическом единстве, «*как если бы*» они имели своё основание в этой сущности, созданной разумом. Тогда публично-властные полномочия российских граждан оказываются производными от учредительной власти народа как единого целого (юридической личности, правового существа), и такое *трансцендентное нечто* (абстрактный народ), существующее лишь идеально (в правовом Идиллиуме и в сознании теоретиков права), делает реальными и возможными все обычные и повседневные действия конкретных граждан по участию в отправлении публичной власти, которые без этого трансцендентного нечего были бы просто невозможны.

Подобные идеалы имеют исключительно важное значение в научном познании. «Хотя и нельзя допустить объективной реальности (существования) этих идеалов, — писал по этому поводу Кант, — тем не менее нельзя на этом основании считать их химерами: они дают необходимое мерило разуму, который нуждается в понятии того, что в своём роде совершенно, чтобы по нему оценивать и измерять степень и недостатки несовершенного»³¹. С учётом сказанного правильное применение рассматриваемого конституционного идеала состоит в том, чтобы рассматривать государственно-правовую действительность так, «*как если бы*» она действительно была творением реального правового существа, называемого народом.

Однако в силу неизбежной иллюзии человеческого разум склонен приписывать объективность такой нематериальной правовой сущности. Данный конституционный идеал

³⁰ См.: Кант И. Указ. соч. С. 569—592.

³¹ Там же. С. 502.

(народ как источник власти), пользуясь терминологией Канта, сначала реализуется, то есть превращается в объект, затем гипостазирован, то есть ему приписывается реальное существование в фактической действительности и, наконец, персонифицируется, то есть отождествляется с реальными людьми. В связи с этим **МЫ, российскийские граждане**, конечно же, можем *мыслить* себя народом как источником всей публичной власти в нашей стране. Но *считать* себя народом в таком смысле означает претендовать на то, чтобы сравняться с идеалом, существующим только в идее, что было бы чересчур смело.

Библиографическое описание:

Черепанов В. Мы, многонациональный народ Российской Федерации... // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 126–137.

We, the multinational people of the Russian Federation...

Victor Cherepanov

Doctor of Sciences in Law, Professor, Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia (e-mail: sigma45@yandex.ru).

Abstract

The concept of “the People”, being interdisciplinary, is applied in various sciences, each of which highlights its specific content and denotation. In sociology this term designates a community united by a single territory of a state, as well as by firm economic, social, and spiritual connections and relations. In ethnography the people are considered to be an ethnic community united by a common language, origin, specific culture, particular way of life, traditions and customs, national consciousness, a common self-chosen name, and self-identification. Such a concept has an explicit and definite correlation with *empirical* reality – with *real* people who, interacting with each other, enter into *concrete* social relations. In the constitutional legal conceptual space, whose “inhabitants” are abstract legal constructions, legal phantoms and fictions, the people act as the bearer of sovereignty and the source of power. However, in the scientific comprehension of this *ideally typical* constitutional model, the empirical notion of the people as a community is often used, which does not allow one to adequately reveal the regularities underlying Russian statehood, and leads to the emergence of a contradiction forming a methodological problem, the study of which this article is devoted to. To solve it, a conceptual approach is proposed that regards the people as the unity of two opposites: abstract people – a juridical personality, or a legal creature that acts as the source of power – and concrete people – a community, or an aggregate of Russian citizens. This binary opposition, in its philosophical and legal interpretation, is examined in the categories of *proper* and *existing*: the abstract people, presented in only the constitutional legal conceptual space, being the bearer of sovereignty and the only source of power, is the constitutional ideal (the *proper* arrangement of the Russian state), which manifests itself in factual reality in the form of an aggregate of concrete citizens forming a

concrete people (*existing*), and the contradiction between them (the contradiction between *proper* and *existing*) as the initial and basic contradiction of Russian statehood, which receives its specific expression in various publicly-authoritative relations.

Keywords

constitutional legal conceptual space; the abstract people; the concrete people; a source of power; *proper*; *existing*.

Citation

Cherepanov V. (2018) Мы, многонациональный народ России... [We, the multinational people of the Russian Federation...] // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 5, pp. 126–137. (In Russian).

References

- Abdulatipov R. G. (2000) *Natsional'nyy vopros i gosudarstvennoe ustroystvo Rossii* [The question of nationality and state structure of Russia], Moscow: Slavyanskiy dialog. (In Russian).
- Batishchev G. S. (1971) Problema dialekticheskogo protivorechiya [The problem of dialectical contradiction]. In: Rosenthal' M. M. (ed.) *Istoriya marksistskoy dialektiki* [The history of Marxist dialectics], Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Ebzeev B. S. (2014) *Konstitutsiya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya* [Constitution, power, and freedom in Russia: the experience of synthetic research], Moscow: Prospekt. (In Russian).
- Gadzhiev G. A. (2011) O prostranstvenno-vremennom myshlenii v konstitutsionnom prave (voprosy yuridicheskoy ontologii i aksiologii) [About spatio-temporal thinking in Constitutional Law (questions of juridical ontology and axiology)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 6, pp. 82–94. (In Russian).
- Gadzhiev G. A. (2013) *Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo aspekta deystvitel'nosti)* [Ontology of law (critical research of a juridical aspect of reality)], Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russian).
- Kabyshchev V. T., Mironov O. O. (1969) Kategoriya “Narod” v sovetskom konstitutsionnom zakonodatel'stve [The category of “People” in Soviet constitutional legislation]. *Pravovedenie*, no. 3, pp. 36–41. (In Russian).
- Kant I. (1964) Kritika chistogo razuma [A critique of pure reason] In: Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh* [Works in six volumes], V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman (eds.), Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Khabrieva T. Ya. (2010) *Sovremennyye problemy samoopredeleniya etnosov: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Modern problems of self-determination of ethnos: comparative legal research], Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. (In Russian).
- Kutafin O. E. (2001) *Predmet konstitutsionnogo prava* [The subject of Constitutional Law], Moscow: Yurist. (In Russian).
- Mamut L. S. (1996) Gosudarstvo: polyusy predstavleniya [State: poles of conceptions]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 45–54. (In Russian).
- Mamut L. S. (1999) Problema otvetstvennosti naroda [The problem of people's responsibility]. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 19–28. (In Russian).
- Mamut L. S. (2000) Gosudarstvo kak publichno-vlastnyy obrazom organizovanny narod [The state as people organized in a publicly authoritative way]. *Zhurnal rossiyiskogo prava*, no. 3, pp. 88–100. (In Russian).
- Mamut L. S. (2001) Sotsial'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava [The social state from a legal viewpoint]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 7, pp. 5–14. (In Russian).

- Marchenko M. N. (ed.) (2002) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: Akademicheskii kurs v trekh tomakh* [A general theory of state and law: Academic course in three volumes], 2nd ed., Moscow: IKD: "Zertsalo-M". (In Russian).
- Mikeshina L. A. (2010) Epistemologicheskoe opravdanie gipostatizirovaniya i reifikatsii [Epistemological justification of hypostatization and reification]. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 44–54. (In Russian).
- Osipov G. V. (ed.) (2015) *Rabochaya kniga sotsiologa* [Sociologist's workbook], Moscow: Librokom. (In Russian).
- Osipov G. V., Moskvichyova L. N. (2002) *Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii: Uchebnik dlya vuzov* [Sociology. The grounds of a general theory: A textbook for colleges], Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russian).
- Shvyrev V. S. (1978) *Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii* [The theoretical and empirical in scientific knowledge], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Stepin V. S. (2006) *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [Philosophy of science. General problems], Moscow: Gardariki. (In Russian).
- Yadov V. A. (1998) *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya* [Strategy of sociological research], Moscow: Dobrosvet. (In Russian).
- Zdravomyslov A. G. (1969) *Metodologiya i protsedura sotsiologicheskikh issledovaniy* [Methodology and procedure of sociological research], Moscow: Mysl'. (In Russian).